

Л. А. Гаврилова

Литературные реминисценции как способ продолжения дискуссии с читателем в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского

В работе анализируется «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского с точки зрения коммуникативных задач автора. В центре внимания – роль литературных реминисценций в построении диалога с читателем, собой и литературной традицией. Базой для анализа стали выпуски «Дневника писателя» за 1876 г.

Ключевые слова: литературная реминисценция, роль, диалог, автор, читатель, литературная традиция, мотив, сюжет.

L. A. Gavrilova

Literary Reminiscence as a Way to Continue Discussion with a Reader in "The Diary of the Writer" by F. M. Dostoevsky

In the work "the Diary of the Writer" by F. M. Dostoevsky is analyzed from the point of view of communicative problems of the author. A role of literary reminiscences in the construction of the dialogue with a reader, by itself and a literary tradition is in the center of the attention. "The Diary of the Writer" of 1876 became a basis for the analysis.

Keywords: literary reminiscence, a role, a dialogue, an author, a reader, a literary tradition, a reason, a plot.

Читательский «опыт» отразился в текстах Ф. М. Достоевского, художественных и публицистических, в виде различных реминисценций, цитат, аллюзий, упоминаний. В статье предметом исследования является роль литературных реминисценций в «Дневнике писателя» (далее – «Д. п.» – прим. автора) через диалог автора с литературной традицией, самим собой и читателем. В качестве базового используется термин «реминисценция» в толковании И. В. Фоменко. Под реминисценцией он рекомендует понимать «элемент структуры текста, вызывающий воспоминание о другом ("чужом" или "своем" – автореминисценция) тексте. <...> В отличие от цитаты и аллюзии, Р. отсылает к другому тексту преимущественно на мотивном, синтаксическом и ритмическом уровнях структуры» [6, с. 206]. В статье исследуются литературные реминисценции, отсылающие к чужим текстам на мотивном и сюжетном уровнях структуры.

Уже в первом номере «Д. п.» 1876 г. рассказчик вспоминает о Гёте: глава называется «Вместо предисловия. О Большой и Малой медведицах, о молитве великого Гёте, и вообще о дурных привычках». Это символично: Достоевский подчеркивает ценностный приоритет литературы в публицистическом тексте. В одной функции используются референции двух типов: жизненная (историческая, биографическая, бытовая) и художе-

ственная (литературная). Реальности художественная и биографическая, объединенные памятью рассказчика, оказываются для него разными проявлениями одной реальности. Литературная реминисценция в этой главе иллюстрирует мысль рассказчика о жизненной реальности: «Нынче же всякий и прежде всего уверен, входя куда-нибудь, что все принадлежит ему одному. Если же не ему, то он даже и не сердится, а мигом решает дело; не слышали ли вы про такие записочки: "Милый папаша, мне двадцать три года, а я еще ничего не сделал; убежденный, что из меня ничего не выйдет, я решил покончить с жизнью..." И застреливается» [5, с. 166].

В приведенном фрагменте публицистического текста рассказчик сравнивает «век нынешний и век минувший». О нынешнем говорит слово «нынче», а на минувший намекает предсмертная записка. Этим мотивом и сюжетной ситуацией самоубийства Достоевский отсылает читателя к «Страданиям юного Вертера» Гёте. Достоевский представляет читателю два типа юношеского миропонимания, разделенные вековым промежутком. При этом Вертер – литературный герой, а автор записки в «Д. п.» – коротко обозначенный тип человека времени, еще не обретший статуса литературного героя. Достоевский вводит реминисценцию с помощью множественного числа существительного: «Не слышали ли вы про такие

записочки» [5, с. 166]. Их авторы – безымянные «всякие». Реминисценция позволяет сравнить этот тип героя времени с литературным героем, воплотившим умонастроения целой эпохи.

Безусловно, Достоевского интересует настоящее, типы героев времени, выведенные на страницах публицистики и литературы. До ввода реминисценции он характеризует их не лестно: тип гордых, совершенно не ценящих жизнь юнцов. Казалось бы, все понятно. Однако указание на присутствие Гёте в контексте, данное Достоевским уже в названии главы «Д. п.», заставляет усомниться в этой понятности. Далее в текст вводится предсмертная записка – слово «слышали» напоминает о сюжете Гёте. Достоевский предлагает читателю задуматься над типом героя времени, сравнив две предсмертные записки как два типа миропонимания. Чем же они различны?

Персонаж немецкого классика так объясняет свой поступок: *«Так вот как исполнились желания и надежды моей жизни! Холодный и бесчувственный, стучусь я в железные врата смерти!»* [3, с. 174]. Искренние страдания Вертера, вызванные «безумием века» и усугубленные несчастной любовью, у автора записки в «Д. п.» снижаются до попытки подражания романтическим героям, продиктованной гордостью и легкомыслием. Однако при смысловой «сниженности» самоубийства в «Д. п.», по сравнению с самоубийством у Гёте, рассказчик уходит от однозначного понимания его мотивов, предлагая читателю два варианта: *«Но тут хоть что-нибудь да понятно: "Для чего-де и жить, как не для гордости?" А другой посмотрит, походит и застрелится молча, единственно из-за того, что у него нет денег, чтобы нанять любовницу. Это уже полное свинство»* [5, с. 166–167].

Жизненная реальность осмысливается Достоевским при помощи реальности литературной. Сравнение двух типов мироощущения молодого поколения, времен Гёте и времен Достоевского, осуществляющееся в «Д. п.» при помощи реминисценции, явно не в пользу настоящего: высокий порыв превращается в банальность, трагедия сводится до уровня фарса. В этом фрагменте читается романтическая составляющая авторского посыла – подспудная мечта об идеальном герое, возвышенности порывов. Эта мечта в виде литературной ценностной нормы, вводимая в текст посредством реминисценции, позволяет понять жизненную реальность, тип ее героя. Неприглядность текущей жизненной реальности от такого сравнения заостряется. Отчасти благодаря нали-

чию литературного ценностного измерителя в тексте появляется ирония: *«Это уже полное свинство»* [5, с. 167].

Далее рассказчик переходит к более масштабным категориям: от определения отечественного типа героя времени к характеристике настоящего духовного состояния русской нации. Он сравнивает умонастроения, этические нормы иностранцев, отображенные великими литераторами прошлого, и отношение к жизни современных русских. Достоевский ставит вопрос об измельчании нации: *«Неужели это безмыслие в русской природе? Я говорю безмыслие, а не бессмыслие. Ну, не верь, но хоть помысли!»* [5, с. 167]. Литературная реминисценция позволяет Достоевскому оценить настоящее (мировоззренческий тип русского человека, духовное состояние русской нации) посредством сравнения его с прошлым, выведенным на страницах отечественной и зарубежной литературы. Однако только ли этим объясняется включение Достоевским в тексты «Д. п.» литературных реминисценций?

Добавление в тексты «Д. п.» некоторых черт, наводящих на воспоминания о других художественных текстах, позволяет рассказчику вести диалог с их авторами. Предмет диалога – факт реальности, и жизненной, и литературной, выведенный в предсмертной записке самоубийцы. Рассказчик подчеркивает точку зрения в вопросе жизни и смерти раннего Гёте: *«Самоубийца Вертер, кончая с жизнью, в последних строках, им оставленных, жалеет, что не увидит более "прекрасного созвездия Большой Медведицы", и прощается с ним. О, как сказался в этой черточке только что начинавшийся тогда Гёте!»* [5, с. 167]. В тексте Гёте Вертер благодарит Всевышнего: *«Благодарю тебя, Господи, что ты даровал мне в эти последние мгновения столько тепла и силы»* [3, с. 171]. Достоевский, не осуждая персонажа, наоборот, отчасти оправдывая его, приходит к логичности другой мысли, отмечая ее адекватность точке зрения в том же вопросе уже позднего Гёте: *«"Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне". Вот какова должна была быть молитва великого Гёте во всю жизнь его»* [5, с. 167]. Посредством реминисценции рассказчик оспаривает мысль писателя-предшественника, высказанную им в раннем периоде творчества, и делает предположение относительно возможного ее варианта в более позднем периоде. Это и рассказчику, и читателю открывает пространство для развития значимой для Достоевского мысли применитель-

но к жизненной реальности и для интерпретаций художественного наследия Гёте.

Очевидно, что тексты, в частности – литературные, существуют как в памяти социума, так в памяти каждого человека. По мнению М. М. Бахтина, «живое высказывание, осмысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задать тысячи живых диалогических нитей, сотканых социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета высказывания» [1, с. 90]. Применительно к «Д. п.» эту мысль можно интерпретировать так: любое письменное высказывание есть голос «другого», звучащий на том или ином стилистическом уровне – бытовом, публицистическом, художественном и т. д. Если эти голоса тем или иным образом близки, их созвучие дает эффект диалога. В примере авторской отсылки к «Страданиям юного Вертера» рассказчика заботит понимание настоящего, а оно не однозначно: мотив написания предсмертной записки связан с разными видами гордости. В одном случае это гордость человека, страдающего от личностной несостоятельности, в другом – гордость легкомысленного человека. Оба мотива написания записки озвучиваются на уровне публицистического текста. Оба при всем их различии подаются рассказчиком в ироническом ключе: «посмотрит, походит и застрелится молча» [5, с. 167]. Введение же затем посредством реминисценции голоса «другого» из художественного текста делает мотив предсмертной записки еще более сложным: к двум отмеченным рассказчиком видам гордости добавляется еще одна – романтическая, возвышенная, связанная с сильным чувством любви и искренним страданием. Посредством реминисценции совмещаются реалистическое и романтическое понимания и изображения в текстах свойств человеческой души, что позволяет на один и тот же факт посмотреть с разных сторон, – это для Достоевского принципиально. Оценивая поступок автора записки в целом негативно, рассказчик оставляет и себе, и читателю возможность подумать о нем вновь. В построении диалога автора с читателем литературная реминисценция выступает в качестве художественного элемента, стимулирующего читательскую мысль.

Другая творческая и коммуникативная задача, решаемая Достоевским с помощью реминисценции, – убеждение читателя. Рассказчик находит в чужой мысли поддержку собственной. М. М. Бахтин отмечал: «Я нахожу себя в эмоцио-

нально-взволнованном чужом голосе» [2, с. 148]. Например, в январском номере «Д. п.» рассказчик утверждает: «...общество наше никогда еще не было ближе к скандалу, как теперь» [5, с. 172]. Он говорит о том, что любящие публичный скандал купцы и капитаны и раньше были, но стеснялись, а в последние годы потеряли стыд, почувствовав безнаказанность. После этого вводит реминисценцию: «Я понимаю и то, что чрезвычайно приятно <...> встать посреди этих европейцев и вдруг что-нибудь гаркнуть на чистейшем национальном наречии, – свистнуть кому-нибудь оплеуху, отмочить пакость девушке и вообще тут же среди залы нагадить: “Вот, дескать, вам за двухсотлетний европеизм, а мы вот они, все как были, никуда не исчезли!”» [5, с. 172]. Мотивом публичной оплеухи, поддерживаемым сниженной лексикой, переключающей тон повествования с серьезного, прямого, на ироничный, двусмысленный, она вызывает в памяти читателя «Мертвые души» Гоголя: «Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели» [4, с. 327].

Рассказчик в «Д. п.» говорит о том, что европейские приличия всегда были для «русского дикаря» явлением лишь формально уважаемым, но по сути чуждым: желание скандала всегда в нем жило. Вводя реминисценцию, Достоевский демонстрирует читателю мнение Гоголя по этому вопросу: автор «Мертвых душ» с иронией говорит о формальной добродетели европеизированных русских. Таким образом, при помощи реминисценции Достоевский аргументирует свое высказывание мыслью Гоголя: оба говорят, что в вопросе добродетели российское общество проявляет лицемерие.

Мысль Гоголя, на которую показывает реминисценция, не только подтверждает рассуждение рассказчика в его диалоге с читателем, но участвует в его разговоре с самим собой. Речь в «Д. п.» идет о слабеющем в обществе уважении к приличиям – этому европейскому «приобретению». Если Гоголь, имея в виду свое время, говорит, что готовых выставить «свою физиогномию под публичную оплеуху отыщется разве каких-нибудь два, три человека», то Достоевский отмечает: «общество наше никогда еще не было ближе к скандалу, как теперь» [5, с. 172]. Рассказчик «Д. п.» подходит к принципиальному для него во-

просу: какова будет реакция общества на поведение «дикарей»? Чуть ранее рассказчик отмечает, что «дикари» не испытывают страха: «...в последние двадцать лет даже ужасно много русских людей вдруг вообразили себе почему-то, что они получили полное право на бесчестье, и что это теперь уже хорошо, и что их за это теперь уже похвалят, а не выведут» [5, с. 172]. Сам рассказчик по этому поводу молчит. Высказывается лишь после ввода реминисценции: «Но все же дикарь ошибется: его не признают и выведут. Кто выведет? Полицейская сила? Нет-с, совсем не полицейская сила, а вот именно такие же самые дикари, как и этот дикарь!» [5, с. 172].

Важно отметить, что это высказывание, во-первых, вопреки читательскому ожиданию, говорит об отрицательной реакции общества, во-вторых, оно полно уверенности. Это подтверждается повтором слов («выведут», «дикарь», «сила»), имитацией диалога с предполагаемым (недоумевающим) читателем, ироничным «нет-с», повтором отрицаний, восклицанием. Сам рассказчик понимает, что его высказывание неожиданно, даже провокационно: он имитирует короткие вопросы к себе, отвечает на них и, разрешая ситуацию недоумения, вводит связующее предложение: «Объяснюсь» [5, с. 172]. Далее он объясняет высказанное мнение. Сквозник-Дмухановские, Чичиковы, Держиморды – рассказчик опять намекает на персонажей Гоголя – поклоняются культуре Европы. С ней в сознании «дикарей» ассоциируется добродетель.

В формальном европеизме Достоевский усматривает положительный момент: «О, порок ужасно любит платить дань добродетели, и это очень хорошо; пока ведь для нас и того достаточно, не правда ли?» [5, с. 173]. Что же мы наблюдаем? Горькие рассуждения рассказчика о падении нравов, «одичании» русских людей после ввода реминисценции, связанной с мотивом публичной оплеухи, а затем воспоминаний о гоголевских персонажах, которые рады «хоть и в арбузе почтить добродетель» [5, с. 173], вдруг утрачивают однозначность: рассказчик начинает усматривать в казавшейся поначалу безнадежной ситуации положительный момент. Заканчивая рассуждение о современных «дикарях», он отказывает им в типичности: «А потому и гаркнувший среди залы в Москве капитан продолжает быть лишь исключением и поторопившимся человеком, ну, по крайней мере, пока; но ведь и “пока” даже утешительно в наше зыбучее время» [5, с. 173]. Ирония не отменяет авторского сожаления по поводу на-

ционального лицемерия, но все-таки содержит надежду на будущее. Другой текст посредством реминисценции выступает в функции дополнительного, автокоммуникативного, кода, позволяет автору ставить под сомнение собственные выводы, понуждает спорить с собой, помогает избежать однозначности суждений.

Итак, осмысляя настоящее в категориях исторических, философских, религиозных, художественных, Достоевский выступает, прежде всего, как писатель: его опыт как читателя и автора художественных текстов имеет приоритетное значение. Ф. М. Достоевский находится в постоянном диалоге с читателем, при этом ведет диалог с собой и литературной традицией. Он включает в «Д. п.» литературные реминисценции, которые дают возможность понимать жизненную реальность при помощи реальности литературной. Она играет роль нравственного мерил, в ней – совокупность типичных, художественно осмысленных сюжетных моделей. Реминисценции позволяют автору «Д. п.» вести диалог с авторами претекстов. Он происходит как на уровне отдельных сюжетных ситуаций, тем, так и на уровне миропонимания авторов, литературных стилей времени. В этом случае Достоевский реализует одновременно два типа творческих стратегий: «для читателя» и «для себя». Посредством реминисценций Достоевский побуждает читателя к размышлению и убеждает его, аргументируя свое высказывание мыслью из другого текста.

Так, Достоевский реализует две творческие стратегии «для читателя»: «фактичности» и «образной убедительности». Реминисценция позволяет другому тексту влиять на мысль автора в его диалоге с самим собой: чужой текст выступает в функции автокоммуникативного кода, понуждающего рассказчика сомневаться в собственных выводах. Реминисценция становится для автора инструментом самопознания. В диалоге автора с самим собой актуальна одна из стратегий «для себя» – стратегия «самоанализа». Роль литературных реминисценций в творческом замысле автора «Д. п.» различна не только в функционально-коммуникативном аспекте, но и с точки зрения содержательной значимости претекста для «Д. п.». В одном случае обращение к претексту делается лишь содержащей мотив фразой. Таково напоминание о тексте Гоголя. В другом случае это происходит в соответствии с жанром претекста: на текст Гёте указывает цитируемая записка. Реминисценция напоминает сюжетную ситуацию самоубийства, которая воспроизводит-

ся в другом контексте. В целом посредством ре-минисценций Ф. М. Достоевский усиливает коммуникативность и полемичность «Д. п.».

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров ; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина ; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

3. Гёте И. В. Страдания юного Вертера [Текст] / И. В. Гёте. – СПб.: Наука, 2001. – 254 с.

4. Гоголь Н. В. Избранные сочинения: в 2-х томах. Т. 2-й [Текст] / Н. В. Гоголь. – М.: Худож. лит., 1978. – 477 с.

5. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9 в 2 кн. Кн. 1.: Дневник писателя [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 603 с.

6. Поэтика: слов, актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bakhtin, M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Tekst] / M. M. Bakhtin. – M.: Khudozh. lit., 1975. – 504 s.

2. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / sost. S. G. Bocharov ; tekst podgot. G. S. Bernshteyn i L. V. Deryugina ; primech. S. S. Averintseva i S. G. Bocharova [Tekst] / M. M. Bakhtin. – M.: Iskusstvo, 1979. – 424 s.

3. Gote I. V. Stradaniya yunogo Vertera [Tekst] / I. V. Gote. – SPb.: Nauka, 2001. – 254 s.

4. Gogol' N. V. Izbrannyye sochineniya: v 2-kh tomakh. T. 2-y [Tekst] / N. V. Gogol'. – M.: Khudozh. lit., 1978. – 477 s.

5. Dostoyevskiy, F. M. Sobraniye sochineniy: v 9 t. T. 9 v 2 kn. Kn. 1.: Dnevnik pisatelya [Tekst] / F. M. Dostoyevskiy. – M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. – 603 s.

6. Poetika: slov, aktual'nykh terminov i ponyatiy / [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. – M.: Izdatel'stvo Kulaginoy; Intrada, 2008. – 358 s.